

Каширских Олег

Публичная сфера и легитимность персоналистской системы власти в России

Фокус современной дискуссии о природе политических режимов всё чаще перемещается со структуры на *agency* (ссылка на ОДоннела).¹ Природа и логика развития политического транзита на постсоветском пространстве постепенно преодолевает границы институционального анализа и анализа элит, влияния экономики и политики на общество. А что нам известно о том как общество влияет на политику? Если считать настоящий политический режим легитимным, основываясь на опросах двух наиболее влиятельных социологических институтов ВЦИОМ и Левада-Центр, то где источник данной легитимности? Объясняется ли он патерналистским сознанием граждан, склонных рассматривать актуальную политическую иерархию как единственно возможный тип правления и, поэтому пассивных и не особенно интересующихся политической ситуацией в стране? Или политическая активность граждан ограничена особенностями институционального порядка России? Как определить уровень политической активности граждан в России и как степень развития гражданского общества? Ответ на эти вопросы поможет понять, в чем легитимность сегодняшнего политического режима в России, какова её природа этой легитимности.

Институционализация как публичность

В настоящий момент дискуссии о политическом поведении и политических предпочтениях граждан в России доминируются точкой зрения, объясняющей происхождение последних под влиянием культурно обусловленного авторитаризма российского общества. В политической дискуссии данная объяснительная модель получила название *historical continuity thesis*, где последовательным образом приоритизируется влияние прошлого на актуальные политические предпочтения россиян. В частности Самюэль Грин утверждает, что тезис о решающем влиянии на развитие России предшествующей исторической траекторией (*path dependency*), был предложен, прежде всего, Олегом Хархординым, Юрием Афанасьевым и Ричардом Пайпсом.² Можно привести примеры и других известных учёных, которые, с точки зрения автора данной статьи, предлагают похожие объяснительные конструкции, основывающиеся на тезисе *культурного авторитаризма*.³ Символическая политика как апелляция государства/власти к известным стереотипам российских граждан – патернализм, иерархия и ностальгия по авторитарному политическому порядку – рассматривается многими как основной источник легитимности актуального политического режима. Логическим выводом данной конструкции

¹ Смотри O'Donnell G., *The Democratic Regime (or Political Democracy), and Citizenship as Agency*. Published to Oxford Scholarship Online: September 2010.

² Грин С., Природа неподвижности гражданского общества // *Pro et Contra*, январь-апрель 2011, 13.

³ Американские авторы Сил и Чен полемизируют с теми, кто видит в политических предпочтениях россиян свидетельство их приверженности демократическим ценностям. Согласно Сил и Чен, наличие некоторых демократических ценностей в преференциальном ряду россиян не носят действительно демократического характера. Так, например, если обратить внимание на ранжирование указанных предпочтений, можно увидеть, что россияне готовы обменять демократию на социальную справедливость и материальное благополучие, что позволяет, по мнению американских коллег, трактовать этот выбор как результат ностальгии по советскому режиму. Sil R., Chen C., *State Legitimacy and the (In)significance of Democracy in Post-Communist Russia*, *Europe-Asia Studies* 2004 56, 3. 363

провозглашается наличие социального контракта между обществом и государством, предполагающего сохранение *status quo* при обеспечении населения некоторым уровнем материального благополучия и безопасности. Т.о. постулируется приоритетное влияние *прошлого* на настоящее в процессе объяснения политического поведения россиян.

Грин, однако, в своей статье «Неподвижная агрессивность российского общества» обращает внимание на де-институционализацию социального взаимодействия россиян *сегодня* как на основную причину согласия с актуальной политикой власти на фоне *рационального* отказа от политических альтернатив, достижение которых связано с риском утраты того немногого, что ещё имеется.⁴ Грин формулирует вопрос: что же определяет характер социального взаимодействия россиян в большей степени – «господство старого» или «провал нового»? Под «провалом нового» мы понимаем здесь современную деинституционализацию в России как основное условие, определяющее политическое поведение россиян. Деинституционализация у Грина – это отсутствие «определённости» в процессе социального взаимодействия и снижение мотивации рисковать. Поддержка авторитарного режима в России – это вынужденная рациональность граждан, не склонных рисковать потерей уже достигнутого: однажды достигнутое ценится вдвойне на фоне необходимости вновь «преодолевать неопределённость». Грин пишет, что «граждане уходят из общественного пространства» и «укрепляют свои частные пространства»: «Эта поразительная девальвация «со-общности» постоянно усугубляется, поскольку показывает всем участникам, что их стратегии оправданны...».⁵ В своей статье Грин объясняет источник современной легитимности актуального политического режима не пассивностью, но «рациональной неподвижностью».

Итак, «рациональная неподвижность» Грина есть следствие де-институционализации. Термин рациональность понимается здесь как понимание/рефлексия опасности слишком большого риска на фоне отсутствия определённости норм и правил. Здесь хочется подчеркнуть – норм и правил именно публичного пространства, пространства, связанного с Другими, не знакомыми мне из личного общения. Если исходить из понимания институтов как «совокупности укорененных правил и норм, управляющих поведением людей или групп людей, которая позволяет с достаточной точностью предсказывать реакцию на то, или иное воздействие» (Грин), то представляется логичным предположить, что только аккумуляция знания о Другом (о социальной роли Другого) посредством мониторинга поведения Другого, способно генерировать правила и нормы. Подобный мониторинг необходим для верификации выполнением Другими социальных норм и правил: только общий характер следования последним может убедить меня в осмысленности соблюдения данных норм. Такой «мониторинг» возможен только при условии публичности, которая, в свою очередь, генерирует межличностное доверие – основу возникновения генерализации Другого, т.е. наделение своими личными ожиданиями поведение другого незнакомого мне гражданина. Т.о. под публичным пространством можно понимать всё то пространство (медийное и реальное), которое даёт нам возможность валидировать природу поведения других людей, их поступки и мысли. Институционализация как возможность возникновения нормативного расширяется в той степени, в которой публичность и прозрачность выступает условием интеракций между гражданами, организациями или как это называет Никлас Луман – системами, с их собственной рефлексивной логикой. Т.о. отсутствие публичности является первой причиной де-институционализации. А, следовательно, можно сказать, что отсутствие публичности и является рациональной причиной «рациональной неподвижности». Может ли публичность изменить

⁴ Грин, Природа неподвижности гражданского общества, 8.

⁵ Грин, Природа неподвижности гражданского общества, 12

рациональность, т.е. предложить разумные доводы в пользу преодоления партикуляристского поведения? Другими словами, отлична ли рациональность коллективная от рациональности индивидуалистической?

Рациональность как метод

Термин *рациональность* как попытка определить основы политического поведения российских граждан не отличается новизной. Данная тенденция явно просматривается в целом ряде работ американских и британских исследователей.⁶ Рациональность в данном случае понимается как низкая оценка функционирования современных демократических институтов россиянами. Данный вывод позволяет объяснить приверженность большинства россиян авторитарной политике Кремля как единственному средству демократизации данных институтов, что опосредованно свидетельствует о демократичности россиян.⁷ Сторонники *культурного авторитаризма*, как уже было отмечено, вовсе избегают понятия рациональность, будучи убежденными в доминировании патерналистских ценностей на сознание российских граждан. Любопытно, что ни первая группа исследователей, ни вторая, в сущности, не обращают внимание на проблему де-институционализации как возможного фактора, определяющего социальные и политические нормы поведения.

Прежде чем продолжить разговор необходимо задать вопрос: а зачем нам в исследовании рациональность? Как мы можем использовать понятие рациональности для ответа на вопрос о политическом поведении россиян? Признание большей или меньшей рациональности в процессе формирования поведения и предпочтений меняет акцент в исследовании: в фокусе анализа оказывается характер современной социальной среды, ответственной за влияние на когнитивную автономию и когнитивную мобильность граждан (Инглехарт). Рациональность или прагматизм – и здесь с Хабермасом согласны и Бурдье и Лукман – зависит от социальных условий её происхождения.⁸ Одновременно, характер влияния данных социальных условий нами не выводится со слов самих агентов (их перцепции), сколько перцепция данных институтов агентами анализируется с точки зрения влияния институтов на перцепцию этих агентов: т.е. аутентичность восприятия гражданами окружающей реальности зависит от модальности формирования их мнения в конкретной социальной среде. Именно в данном конструктивистском контексте признание решающего влияния современных институциональных условий коммуникативного взаимодействия агентов выигрывает в значимости: когнитивные структуры сами являются социально структурируемыми как имеющие социальный генезис и коллективную форму конструирования.⁹ Исследованиям на тему понимания россиянами демократии – как приоритетная область исследования последних лет – нужно быть осторожней с позитивизмом при изучении политических предпочтений россиян. Мнение большинства россиян о политике и о демократии не может рассматриваться как фиксированное знание: необходимо учитывать условия формирования данного знания в контексте его дискурсивного валидирования. Изучаться должны как объективные

⁶ Carnaghan E., *Out Of Order: Russian Political Values in an Imperfect World* (Pennsylvania State University 2008). Colton T. & McFaul M., *Are Russians undemocratic?* (Carnegie Endowment Working Papers, June 2001).

⁷ Там же.

⁸ Здесь не имеется в виду коммуникативная рациональность – нормативная формула Хабермаса и часть теории коммуникативного действия, но общая рациональность сознания способного к совершенствованию и эволюции.

⁹ Bourdieu P., *Social Space and Symbolic Power* *Sociological Theory* 7, 1 (1989), 18

структуры, так и суть коммуникативных процессов граждан. Данное отношение диалектично – действия индивидуумов являются результатом практических диспозиций, которые те развили посредством их опыта интерпретации объективных структур. Признание контрафактичности когнитивной автономии при формировании предпочтений позволяет расстаться с позитивистской традицией, когда знание интерпретируется в пассивном соответствии с пре-данностью объекта, а язык и поведение в своей значимости и рациональности не зависимыми от социализации, хабиитуализации и от характера предубеждений. Другими словами, только потому, что мы хабиитуализированы верить в свою свободу на основании имеющихся к выбору опций, вовсе не означает, что мы действительно свободны и не манипулируемся рекламой и пропагандой. Кроме того, в наличие *выбора* как такового не входят другие характеристики свободы – рефлексия и ценности, а также формулирование позиции по отношению к условиям собственного существования как образование и знания, ресурсы и возможности, которые могут быть деформированы существующим социальным окружением. Вывод: рациональность – методологически инструментальная категория, позволяющая обосновать условность/ограниченность влияния прошлого и признать влияние настоящих институциональных условий на современное политическое поведение россиян.

Если исходить из условия публичного действия и публичности как основы институционализации социального взаимодействия, необходимо обратить внимание на концепцию публичной сферы. Публичная сфера выступает сферой институционализированной политики,¹⁰ где формирование политического поведения/политических предпочтений индивида находится в зависимости от качества функционирования политических институтов. Под последними понимаются те институты, которые опосредуют коммуникационное взаимодействие государства и граждан: парламент, политические партии (парламентско-партийный комплекс по выражению Хабермаса), а также масс-медиа и группы интересов. Эти институты становятся становятся медиационным механизмом вовлечения граждан в процесс обсуждения и принятия решений. Публичная сфера имеет две основные функции: роль медиатора коммуникации между управляющими и управляемыми относительно формирования и реализации политической повестки дня и вторая – быть форумом для формирования данного общественного мнения посредством дискурса. Публичная сфера определяет интересубъективность как основное условие рациональности: любое индивидуальное и субъективное высказывание может оцениваться как рациональное или нерациональное только в контексте коллективного валидирования. Другими словами, та рациональность, которая формирует свою позицию в соответствии с необходимостью достичь согласия с Другим, является интересубъективной, а не субъективной или объективной.¹¹ Последнее обстоятельство позволяет нам определить проблему коллективного и индивидуального в процессе формирования политического поведения: интересубъективность как коллективное формирование идентичности обладает гораздо большим потенциалом для осознания собственной идентичности. Последнее условие, в свою очередь, позволяет более рационально или с большей степенью аутентичности определить собственные потребности, в том числе, и в политической сфере. Понятие публичной сферы позволяет нам расширить категорию (понимание) рациональности в процессе определения прагматизма/разумности формирования населением своих политических предпочтений: конституированная публичная сфера или её отсутствие могут служить переменной для определения сравнительного характера индивидуальной/коллективной рациональности. Без последней дифференциации нет «возможности понять логику всех действий, которые могут быть разумными, не являясь результатом разумного проекта или, с ещё большим основанием, – рационального расчёта; наделённого неким родом объективной

¹⁰ Warren M., *Democratic theory and self-transformation*, *American Political Science Review* 86, 1 (1992).

¹¹ Giddens A. (1987) *Social Theory and Modern Sociology* (California: Stanford University Press), 229

финальности, не являясь сознательно организованными по отношению к эксплицитно поставленной цели; умопостигаемыми и последовательными, не являясь результатом логичного замысла и взвешенного решения; отвечающим будущему, не являясь продуктом проекта или плана».¹²

Публичная сфера в России: проблема доверия и рациональность непубличности

Инструментальная возможность применения концепции публичной сферы не имеет отношения к своей оригинальной нормативности. Современное понимание публичной сферы отличается от данного её определения в ранних работах Юргена Хабермаса.¹³ Критика «рациональной коммуникации» как коммуникации эксклюзивной¹⁴ изменила акценты в теоретизации публичной сферы. Сегодняшнее прочтение данной концепции положительно отвечает на вопрос относительно включения бессознательного в орбиту её исследовательского интереса. Действительно, трудно представить себе коммуникацию без влияния бессознательного,¹⁵ а именно только к «рациональной коммуникации» и единственно «правильному» значению. Ирис Янг подчёркивает, что значение/смысл – это всегда дискурсивно символическое: символическое не может быть разделено на только семиотическое или только речевое.¹⁶ В действительности концепция публичной сферы более не несёт в себе отрицания типов коммуникации как приветствие и будничные нарративы, **чья структура отличается меньшей аргументационной направленностью.** Напротив, как утверждает Дальберг, будничные нарративы способствуют определению существа обоюдных позиций, также как и определению предрассудков и стереотипов.¹⁷ Консенсус не выделяется более незыблемым условием *коммуникативного действия*, как не фокусируется и нормативная формула достижения согласия как результата рациональной коммуникации. Консенсус в публичной сфере «всегда в процессе формирования»: дискурсивно оформленное общественное мнение репрезентирует процесс формирования (Bildung) или получение образования, при котором граждане формируют более совершенные основания для своих мнений посредством дискурсивного взаимодействия. Симон Чамберс утверждает, что «консенсуальное соглашение, если такое вообще происходит, происходит постепенно и является фрагментарным и частичным».¹⁸ Речь более не идёт о достижении консенсуса, сколько о формировании обоснованного мнения в свете критики и аргументации Другого.¹⁹ Использование концепции публичной сферы не распространяется только на обсуждение узко политических проблем, но на сферу ежедневных коммуникаций граждан в целом как непосредственных (межличностных) так и опосредуемых через средства массовой

¹² Бурдые П., Практический смысл // Издательство «Алетейя» Санкт-Петербург, «Институт экспериментальной социологии» Москва, 42-43.

¹³ Theorie des kommunikativen Handelns. (Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung, Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft), Frankfurt am Main 1981

¹⁴ Коммуникативная рациональность более не рассматривается как исключаящая по внешним признакам (коммуникация мужчин «белой расы») Young I. M., *Inclusion and Democracy* (Oxford: Oxford University Press 2000), 39

¹⁵ Hoggett P. and Thompson S., Towards a Democracy of the Emotions, *Constellations* 9, 1 (2002): 106-126

¹⁶ Young I.M., Impartiality and the Civic Public: Some Implications of Feminist Critiques of Moral and Political Theory, in Benhabib S. and Cornell D. (ed.) *Feminism as Critique: Essays on the Politics of Gender in Late-Capitalist Societies* (Cambridge, UK: Polity Press 1989), 72

¹⁷ Dahlberg L., The Habermasian Public Sphere: Taking Difference Seriously?, *Theory and Society* 34, 2 (2005), 127

¹⁸ Chambers S., Discourse and Democratic Practices, in Stephen K. White (ed.), *The Cambridge Companion to Habermas* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1995), 250

¹⁹ Chambers, Discourse and Democratic Practices, 238-239

информации. Публичная сфера понимается скорее как форма политического участия, которая в отличие от «политического активизма» может быть реализована также в социальной и культурной сферах.²⁰ Чем более инклюзивны условия intersубъективного взаимодействия, тем успешнее процесс социального обучения. Успешность последнего измеряется аутентичностью представлений о собственных нуждах. Выполнение данной цели возможно только при институционализации пространства intersубъективного взаимодействия, при помощи конституирования публичной сферы.

Понятия публичная сфера и публичность не являются полностью тождественными, но обуславливают друг друга. Без политически конституированной публичной сферы невозможна публичность. Почему? Состояние сегодняшней публичной сферы в России: отсутствие действующей политической конкуренции и «колонизация» масс-медиа интересами монополярной власти не выполняет ни одной из своих функций. Отсутствие реальной политической конкуренции имманентно не формирует запроса на существование независимых коммуникативных пространств, где генерирование общественного мнения могло бы быть использовано для совершенствования конкурентного политического предложения. Масс-медиа также не способны выступать интермедийным пространством. Государство полностью контролирует телевизионное пространство, что имеет следствием критически низкий уровень жанра журналистских расследований и объективного анализа социальных, экономических и политических реалий современной России. Интермедийное пространство, способное вовлечь население в дискуссию о собственной судьбе в контексте социально-экономического и политического развития, деформировано. Оно не выполняет ни репрезентативную функцию, ни информационную. Какое это оказывает влияние на возможность коллективной интернализации социально-политического развития общества, на возможность коллективно генерируемой рациональности?

Отсутствие возможности знать Другого и быть информированным о действиях Других по причине отсутствия Другого в интермедийном пространстве является основной причиной межличностного недоверия в России. Выход в публичное пространство, в пространство коллективного и общественного возможен только в условиях доверия к Другому. Источником доверия к Другим является, по мнению Лумана, «социальная зримость» (*soziale Sichtbarkeit*).²¹ Генерализация доверия на людей тебе лично не знакомых возможно только при условии прочного знания о том, что незнакомцы также будут следовать тем социальным нормам, которым следуешь ты. Посредством медиации репрезентативных демократических институтов, коллективных акторов и медиа агент может валидировать собственные представления о представлениях Других с помощью мониторинга Других.²² Если данные институты не выполняют функции репрезентации Другого, они более не рассматриваются агентами как заслуживающие доверия, рационально полезные: именно репрезентативные институты (парламент, партии и медиа как источник *self-reference*) вызывают наименьшее доверие граждан.

Что же происходит с предпочтениями и политическим поведением граждан в условиях межличностного недоверия и деинституционализации? Недоверие к репрезентативным институтам (включая медиа) не позволяет генерализовать доверие. Вертикаль власти, которая не предполагает наличие «институционализированного

²⁰ Benhabib, S., Models of Public Space: Hanna Arendt, the Liberal Traditions and Jürgen Habermas, in Calhoun G. (eds) Habermas and the Public Sphere (The MIT Press Cambridge 1992), 86

²¹ Luhmann N., Vertrauen. Ein Mechanismus zur Reduktion der sozialen Komplexität. 4 Auflage (Lucius & Lucius Stuttgart 2000), 48.

²² Offe, C., How can we trust our fellow citizens?, in Warren, M. (ed.) Democracy and trust (Cambridge: Cambridge University Press 1999), 67

недоверия»²³ не генерирует межличностное доверие. На фоне недоверия к Другому населению фрагментируется по принципу *принадлежности*. Примордиальный тип приватизма, выражающийся в группировании по признаку семейственности, родства, знакомства, функционально компенсирует недостаток вертикального доверия институтам.²⁴ Рациональность примордиального приватизма объяснима: «постоянная флуктуация классов, гражданства и профессиональных идентичностей только подчёркивает постоянство родственных связей. Это, разумеется, не означает, что семейные отношения становятся более прочными, просто они воспринимаются как более постоянные, чем другие типы отношений: можно перестать быть советским гражданином или инженером, но нельзя перестать быть дочерью, сестрой или женой».²⁵ Коммуникационная domestikация сопровождается непубличным характером коммуникационной активности россиян. Больше чем 57% очень редко или никогда не коммуницируют с дальними знакомыми и коллегами по работе. Публичное пространство не является местом времяпрепровождения россиян: 61% «практически никогда» не посещают кинотеатры и концерты.²⁶ Только 1-3% россиян принимают участие в активности добровольных ассоциаций граждан (религиозной, гендерной и прочей направленности).²⁷

Непубличный характер коммуникационной активности россиян является причиной внутригрупповой культурной гомогенности. Закрытое для пенетрации отличной от членов данной группы точек зрения сознание большинства россиян не вовлечено в аргументативное обсуждение разности позиций. Разность позиций нивелируется вынужденным групповым конформизмом²⁸ и воспроизводится имплицитно, не пользуясь аргументативным стилем общения. В данных условиях не происходит когнитивного совершенствования, как не происходит и интернализации социально-политических изменений. Неспособность к активной интернализации социального развития Штомпка и другие определяли как *культурную травму*,²⁹ указывая, что темп социальных изменений может быть неоднородным в различных доменах. Так, например, сфера культурного воспроизводства отличается особой инертностью и особо продолжительной интернализацией происходящих изменений. С этой точки зрения, для обеспечения поддержки населения демократического реформирования необходимо создание институциональных условий для широкой партиципации населения в процессе этого самого реформирования. Данная партиципация должна происходить в рамках институционализированной политики, где коллективно валидируемые притязания на значимость в форме суждений о политике, могли бы претендовать на большую рациональность.

Приватное *versus* публичное как проблема демократического транзита России

Именно сравнительное противопоставление частного и публичного является, по моему убеждению, одним из важнейших методологических инструментов, который на материале

²³ Под «институционализированным недоверием» Клаус Оффе понимает институционализацию политического контроля исполнительной власти: свободные медиа, политическую конкуренцию и независимую судебную систему. Offe, 'How can we trust our fellow citizens?'

²⁴ Offe, How can we trust our fellow citizens?, 48

²⁵ Shevchenko O., 'Between the Holes': Emerging Identities and Hybrid Patterns of Consumption in Post-socialist Russia, *Europe-Asia Studies*, 54, 6 (2002), 848.

²⁶ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Постсоветский человек и гражданское общество // Московская школа политических исследований 2008, 70

²⁷ Howard M.M., Postcommunist Civil Society in Comparative Perspective, *Demokratizatsiya*, 10, 3 (2002), 291

²⁸ Noelle-Neumann, E., *Die Schweigespirale* (München: Langen Müller 2001, 6 erw. Neuauflage).

²⁹ Sztompka P., Cultural Trauma. The other face of social change, *European Journal of Social theory*, 3, 4 (2000).

демократического транзита способен определить условия поддержки населением дальнейшего развития демократических институтов. Разница между гражданами России и западных демократий в контексте отношения к демократическим институтам заключается, прежде всего, в интринсическом отношении к демократии на Западе и проблемой россиян, вынужденных постигать данное отношение эвристически. Отсутствие интринсического понимания демократии в условиях демократического транзита ставит граждан перед дилеммой («дилемма транзита» Штомпка)³⁰: первоначально позитивное отношение к началу демократических реформ переживает основательную проверку на прочность на фоне *априорно* ограниченной эффективности институтов демократии в начале процесса демократизации. Неудовлетворение потребностей и разочарования надежд на фоне отсутствия скорых результатов демократических реформ заставляют граждан сомневаться в обоснованности поддержки демократических реформ: «Эффективность и результативность реформ в решающей степени зависит от веры людей, что долгосрочное инвестирование (поддержка реформ – прим. Автора) себя оправдывает».³¹ Граждане вне этиблированных рыночных отношений и демократических институтов рассматривают последние исключительно с инструментальных позиций: как средство достижения материального благополучия. Иначе говоря, «демократия результата» противопоставляется «демократии процесса» (Offe). Необходимо заметить, однако, что предпочтение «демократии результата» усугубляется, как было указано выше, если конституционное и рыночное реформирование не сопровождается одновременным развитием публичной сферы. Цель последней – релативировать результат (часто неизбежного разочарования реформами посредством изменения ценностей граждан, формирования демократической идентичности.

Различение частного и публичного в период транзита принимает особенно важный характер: рациональность индивидуального противопоставляется рациональности публичного и коллективного в контексте противоречия частных и общественных интересов. Рациональность атомизированных граждан в условиях де-институционализации не ведёт к со-общности/публичности и производству общественного интереса и публичной рациональности. Если на Западе гражданское общество уже конституировано, то в России главным условием его формирования является преодоление границ частного/приватного на пути к созданию со-общества в публичном пространстве. Измерение политической активности российских граждан только «политическим активизмом» (участием в выборах) не является верным в условиях демократического транзита. На фоне отсутствия конституированной публичной сферы, акт выхода в публичное пространство как пространства для когнитивного совершенствования уже является политическим актом. Публичная сфера как «социальная зримость» не только наделяет граждан взаимным доверием – результат постоянной возможности мониторинга и изучения Другого – и появлением «рационально» обоснованным присоединением к этому со-обществу, но и конституированием дискурса. Последний позволяет преодолеть символический дефицит, связанный с аутентичным пониманием собственных нужд в политической плоскости.

Сегодняшний анализ пост-советских политических режимов сталкивается с дефицитом теоретического арсенала, способного определить природу политического режима, в котором, с одной стороны, наличествуют формальные атрибуты демократии, с другой, не соблюдаются основные политические права граждан. Очевидная недостаточность «минималистских» (процедурных) определений демократии (*à la Schumpeter*), которые в различных вариациях проводят тезис об электоральном соперничестве как о сущности

³⁰ Sztompka P., Dilemmas of the Great Transition (A Tentative Catalogue in Programm on Central and Eastern Europe Working Paper Series 19, November 29-30, 1991).

³¹ Elster J., Solomonic Judgements (Cambridge. Cambridge University Press), 93

демократии, обуславливает необходимость расширить представление о демократии и политическом участии. Бедность методологического арсенала минималистских теорий демократии состоит, с точки зрения их критиков, прежде всего в преувеличении значения формальных политических институтов на пост-социалистическом пространстве: демократическая консолидация понимается просто как стабилизация регулярных конкурентных выборов.³² Минималистская модель демократии трактует выборы как единственно существенную форму политического участия, выборы рассматриваются как центр легитимности политической системы. Можно предположить, однако, что без сопутствующего дискурса данный порядок легитимности будет зависеть только от экономических изменений в обществе (экономический кризис). В теории политической демократии, напоминает О'Доннелл, *agency* предполагает некоторый потенциал принятия решений, которые в совокупности выглядят достаточными, чтобы оказать влияние на процесс агрегации электоральных голосов относительно устойчивости позиций актуальной власти.³³ Поэтому, определить понятие политического участия можно не только на примере граждан, которые осуществляют политический выбор в день голосования, но и на примере тех, кто участвует в «родственной» политической активности *вокруг* процесса выборов: политические дискуссии в рамках и вне гражданских ассоциаций.³⁴

В политической дискуссии теория дискурсивной демократии включая противопоставления частного и публичного в границах концепции публичной сферы, должна скорее выступать как возможность более точного объяснения функционирования демократических институтов: дискурсивная теория демократии не является теорией в поиске практического применения, скорее это теория, которая стремится к объяснению некоторых аспектов логики существующих демократических практик.³⁵ В частности, расширенное понимание демократии (*expansive democracy*) может помочь в объяснении характера легитимности современных авторитарных политических режимов с номинальным наличием демократических институтов. Данная легитимность будет в данном случае основываться не на использовании предпочтений граждан как фиксированного знания, но на принципиальном допущении условности данных предпочтений, детерминируемой современным характером социализации в условиях данного политического режима. Т.о. допущение адаптивного характера рациональности относительно рефлексии собственных нужд позволяет более определённо ответить на вопрос о методологии исследования легитимности: необходимо фокусирование дискурсивного пространства формирования идентичностей, институциональных условий, обеспечивающих символическое становление личности. Сказанное однажды Хабермасом в защиту *позитивных свобод* демократии посредством коммуникативного *arrangement* – «для того, чтобы политические права обрели силу, эти права должны коммуницироваться»³⁶ – актуально особенно в условиях политического транзита.

Можно сказать, что легитимность политического режима в России состоит в консервировании *негативной свободы* и предупреждении развития навыков *свободы позитивной*. Примером тому служит сознательная деградация интерпретации демократии и демократического сегодняшними представителями власти лишь к акту соблюдения законов, к интерпретации демократии как законности. Выхолащивание коммуникативной составляющей демократии в сегодняшней России принимает формы массового сознания,

³² Dryzek J., Holmes L., Post-Communist Democratization: Political Discourses Across Thirteen Countries. Cambridge University Press 2002, 7.

³³ O'Donnell G., The Democratic Regime (or Political Democracy), and Citizenship as Agency. Published to Oxford Scholarship Online: September 2010, 10.

³⁴ O'Donnell, The Democratic Regime (or Political Democracy), and Citizenship as Agency, 12.

³⁵ Benhabib, Deliberative Rationality and models of democratic legitimacy, in Constellations 1,1 (1994), 42

³⁶ Habermas J., Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1992, 132

становится устойчивой символической формой.³⁷ Одновременно, именно позитивная свобода как коммуникативная защита и преумножение демократических свобод и есть решающее условие эволюции политической системы и общества. Реализация позитивной свободы есть процесс, который заставляет граждан учиться и изменяться когнитивно, в отличие от свободы негативной, которая не побуждает ни к действию, ни к коммуникации. Отсутствие понимания важности позитивной свободы и практик её широкого применения обнаруживается на примере отношения россиян к правам мониторинга реализации данной позитивной свободы в политической практике России. Институты политической коммуникации – партийная конкуренция и критические масс-медиа не востребованы у широких слоёв населения. Отказ кандидата в президенты Путина от участия в политических дебатах не вызывает протеста, т.к. не является фактором формирования политического поведения и политических предпочтений россиян. Девайлоирование публичной сферы и её институтов есть результат девайлоирования Другого и его мнения. Рациональное недоверие к Другому в условиях деинституционализации экстраполируется гражданами на политическую коммуникацию, институты которой и являются конститутивным оформлением мнения Другого.

Публичность и «согласие форм жизни»

В своей статье Борис Дубин³⁸ удачно отметил неспособность населения не только преумножить, но и сохранить поддержку демократических реформ: с 1991г по 2010г число признающих значимость срыва попытки государственного переворота в августе 1991 уменьшилось почти на 50%. Дубин называет деинституционализацию – ответственной за неспособность сохранить «демократические настроения»: «процесс изменений не приобрел здесь институционального воплощения и развития».³⁹ Важно, однако, заметить, что «демократические настроения» носили только общий характер желания перемен, они не являлись адресной поддержкой демократических институтов, не могли ей быть, поскольку не обладали знанием о сути данных институтов. Такие «демократические настроения» могли бы перерасти в подлинно демократические тогда, когда появились бы другие, аутентичны изменившемуся времени и пространству культурные инструменты. Проблема деинституционализации как дефицита публичной сферы в том, что в обществе не происходит накопление нового знания: «социально изолированный индивид не развивает язык или какую-либо другую форму символического мышления и не имеет действительных символов любого рода... символов способных к медиации трансакций между двумя или большим количеством сознаний, чем только к операциям одного сознания».⁴⁰ Несмотря на то, что подлинно демократическая точка зрения и либеральная идеология имеют площадки для артикуляции демократического знания за двадцать лет ни демократическая мысль в общем, ни либеральная идеология в частности, не получили какого-нибудь значимого распространения и признания. Аудитория «Эха Москвы» и прочих площадок свободного обмена мнением (некоторые печатные издания и телевизионные каналы), в том числе и как трибуны политической оппозиции, практически не расширяется, а в обществе совершенно не сформирован запрос на демократическую символику. Проблема не только

³⁷ Характерно недопонимание приоритетов проблематики демократического реформирования в интервью Бориса Титова (председателя организации «Деловая Россия») радиостанции «Свобода»: "... сначала нам нужно правовое государство, а не демократия". <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24544691.html>

³⁸ Дубин Б., Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra, сентябрь-октябрь 2011, 6.

³⁹ Там же, 9

⁴⁰ Donald M., A Mind so Rare (New York: W.W. Norton 2001).

в том, что знание о демократии не имеет обращения в российском общественном пространстве, но гораздо больше в другом: данное знание не имеет возможности быть интернализированным на фоне коммуникационной доместики и культурной фрагментации современного российского общества. Культурная гомогенность примордиальных групп исключает встречу (контрафактичность) с иным мнением, мнением Другого, а отсутствие институционализированной публичности не позволяет сделать включение мнения Другого в собственную мотивацию рациональным. Тогда как только публичное пространство делает «концептуально невозможной артикуляцию эгоцентричных аргументов» по поводу общественно релевантных проблем и «психологически сложной артикуляцию по поводу предпочтений Других без неизбежного признания/принятия данных предпочтений».⁴¹ Знание демократии и демократические ценности отдельных частей социума не становятся достоянием большинства, общество не аккумулирует новые знания. Вердери и Ушакин убедительно продемонстрировали дефицит культурных инструментов россиян в процессе интерпретации социально-политических изменений последнего времени.⁴² На фоне постоянно изменяющегося социально-политического пространства у большинства населения отсутствовала дискурсивная возможность участвовать в его интернализации. «Смысловая неопределённость» и «когнитивный вакуум» привели к тому, «что поиск адекватных символических форм стал все чаще подменяться использованием уже готовых символических конструкций. Неопределенность языка (и состояния) преодолевалась «через реставрацию пределов и границ, знакомых по прошлому опыту».⁴³ Как результат символический дефицит большинства компенсируется *паттернами консультирования* – смысловые структуры в наименьшей степени зависимые от качества социальных изменений. Приватизм в интернализации социальных изменений выражается в формировании закрытых культурных анклавов, артикулирующих общественно значимые проблемы в своих собственных терминах: «разные группы населения» вкладывают «в одни и те же идеи разный, порой взаимоисключающий смысл».⁴⁴ Отсутствие публичной сферы как процедуры коллективной интернализации социального предотвращает возможность выработки общих культурных оснований, способных обусловить процесс взаимопонимания: для согласия мнений сначала необходимо иметь согласие по поводу используемого языка.⁴⁵ Взаимопонимание не понимается здесь как результат имплицитной коммуникации как культурная гомогенность (*like-mindedness*), но как минимальное условие восприимчивости к мнению Другого и в результате – способности к социальному обучению. Взаимопонимание – есть результат публичного обсуждения и аргументирования, способ сузить возможность эмоционализации и радикализации противоречий. Одним из удавшихся исследований на эту тему заслуженно является анализ публичной сферы Герхардса на примере дискуссии об абортах в германском обществе.⁴⁶ На материалах дискуссии центральных германских печатных изданий⁴⁷ автор

⁴¹ Elster J., *The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory*, in Bohman J., & Rehg, W. (eds) *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics* (Massachusetts Institute of Technology 1996), 12

⁴² Verdery K., *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change* (New York: Columbia University Press 1999). Oushakine S., 'In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia', *Europe-Asia Studies*, 52, 6 (2000).

⁴³ Ушакин С., Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Независимый филологический журнал 100 (2009).

⁴⁴ Кутковец Т., Клямкин И., Русские идеи: Возможно ли согласие в расколотом обществе? // НГ–Сценарии. 1997. 16 января

⁴⁵ Характерно утверждение Витгенштейна о том, что для согласия мнений сначала необходимо иметь согласие по поводу используемого языка. Другими словами: «согласие мнений» есть там, где есть согласие «форм жизни». Витгенштейн Л., *Философские работы*. Издательство «Гнозис» 1994, 241.

⁴⁶ Gerhards J., *Soziale Positionierung und politische Kommunikation am Beispiel der öffentlichen Debatte über Abtreibung*, in: Daele Wolfgang/Neidhardt Friedhelm (Hrsg.), *Kommunikation und Entscheidung. Politische Funktionen öffentlicher Meinungsbildung und diskursiver Verfahren*. Berlin 1996, 83-102.

проследил обмен аргументами различных общественных акторов: отдельных граждан, ассоциаций граждан, профсоюзов, церкви, представителей политических партий с 1979 по 1984г. Проверая тезис Хабермаса о неизбежности влияния дискурсивного формирования общественного мнения на политическую повестку дня, автор приходит к выводу, что скорее имеет место процесс «аргументативного обсуждения» (*argumentative Auseinandersetzung*) всех «за» и «против». Подобный процесс не влияет на политиков непосредственно, но оказывает *рефлексивное давление* (*Reflexionsdruck*). Кроме того, важнейшим результатом публичного процесс аргументативного обсуждения является «де-фундаментализация противоречий» и «цивилизация обсуждения». Вторым важным выводом исследования было признание необходимости участия в дискуссии всех релевантных общественных акторов: только это условие способно обеспечить проблематизацию всех релевантных деталей дискуссии и, т.о. увеличить вероятность компромисса. И третий вывод исследования: важнейшая роль политических партий в процессе. Роль последних не выразилась во властном и стилистическом доминировании дискурса, но, прежде всего, в выполнении интермедиарной функции: на шкале «либеральных-консервативных» ценностей ценности политических партий расположились между ценностями общественных групп и организаций, а также ценностями центров принятия политических решений. Понятно, что при современных политических условиях в России подобный режим публичного обсуждения невозможен. Но в рамках данной в статье проблематики необходимо указать на источник легитимности политической власти в России как отсутствие условий для таких политических дискуссий. Подобные процессы коммуникативного поиска приемлемых компромиссов на основе общих языковых и символических оснований, могли бы помочь в интернализации исторического прошлого и настоящей политической действительности, а также цивилизации дискуссии. В действительности же мы имеем крайнюю поляризацию политических позиций.

Вывод

Концепция публичной сферы позволяет расстаться с моделью социального контракта в процессе изучения и объяснения легитимности современного политического режима в России. Социальный контракт при отсутствии конституированной публичной сферы не может существовать, т.к. предпочтения граждан (артикулированные) представляют собой пре-политически (вне сферы институционализированной политики) формируемые предпочтения без проверки аргументативной рефлексией. Порядок достижения согласия в публичной сфере скорее контрафактический, а не актуальный. Обе политические конструкции – публичная сфера и контракционизм – основываются на допущении консенсуса подданных относительно легитимности актуальной формы правления. Но, если природа согласия контракционизма трансцендентна – то в публичной сфере – рациональна (т.е. коунтерфактична/условна). Проблематизация *рациональности* потому представляется валидным средством определения политического поведения россиян, что оно указывает на необходимость выделения *нерационального* как неизбежного воспроизводства старых паттернов сознания в отсутствии коллективных форм рефлексии. Потому, что противопоставление *рационального* и *нерационального* как *публичного* и *приватного* меняет методологическую парадигму исследований: не мнение россиян выступает предметом исследования, но интерпретация данного мнения через призму влияющих на него институциональных условий. Соответственно источник легитимности режима не объявляется более предметом социального контракта, но делает символическое

⁴⁷ «Süddeutsche Zeitung» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

наполнением выбора россиян зависимым от современных форм социального взаимодействия. Социальный контракт, будучи холистской теорией, склонен проводить зависимость политических предпочтений/легитимности от изменения «условий контракта»: изменение экономической ситуации – одного из основных условий контракта – должно неизбежным образом отразиться на отношении к этому контракту со стороны граждан: легитимность данного режима уменьшается. Однако, несмотря на отчаянную бедность широких слоёв населения в России граждане не обнаруживают сомнений в легитимности авторитарной системы власти. Условность легитимности политического режима в России состоит сегодня в наличии не валидированных коллективно общественно-политических проблем, разность мнений относительно которых не позволяет достичь ни выработки общих оснований для обсуждения, ни понимания сближения позиций. Фрагментация языковых и культурных оснований на фоне отсутствия институционализированной политики в форме публичной сферы не позволяет включить Другого в процесс постижения и формулирования собственного интереса. Сегодняшнее большинство сегодняшней власти как условие её легитимности – это фрагментированная сумма меньшинств, объединяемая по принципу её деполитизации.⁴⁸ Деполитизация как отсутствие интермедиарного пространства для коммуникации между политическими институтами и гражданским обществом не позволяет данному большинству признать это пространство рациональным и полезным. Не политическая конкуренция и свободные СМИ в условиях аргументированного противостояния мнению Другого формируют политические предпочтения россиян, а вновь и вновь имплицитно воспроизводимые старые символы и стереотипы сознания внутри групповых культурных анклавов. В этих условиях природа легитимности существующей власти заключается в девальвировании Другого и публичности в глазах большинства, в девальвировании процедурной демократии (коммуникация). Поэтому выбор большинством россиян сегодняшней авторитарной политики – это не выбор в пользу авторитаризма, а непризнание процедурной демократии как значимого фактора политики. На фоне девальвирования публичной сферы в глазах большинства вытеснение на политическую периферию института политической конкуренции, института присяжных и ограничение свобод собраний и коллективного волеизъявления не вызывает возмущения граждан. Даже при очевидном неудовлетворении большинства россиян своим социально-экономическим положением их политический выбор не приходит в противоречие с существующей персоналистской системой власти в России.

⁴⁸ Каширских О. Деполитизация политических предпочтений в России // В кн.: Сборник материалов 19-го международного ежегодного симпозиума "Пути России: новые языки социального описания" 23-24 марта 2012. Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук (в печати).